

ИРИНА РАЗУМОВА

**РОДОСЛОВИЕ:
СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ РОССИИ**

Материалом для настоящей статьи послужили тексты устных и письменных интервью, которые проводились в 1999 -2001 гг. в рамках исследования традиций и фольклора современных российских семей (см.: Разумова 2001). Семейные рассказы, являясь одной из важнейших составляющих культуры родственных групп, могут быть проанализированы не только в фольклористическом и этнологическом отношении (с точки зрения трансляции традиции, способов сюжетообразования, структуры текстов и т.д.). В задачи нашего исследования входили, помимо прочего, ревизия глубины и объема историко-культурной памяти современных семейно-родственных групп и анализ основных концептов и устойчивых мотивов семейных историко-биографических нарративов, - то есть историко- и культурно-антропологические аспекты.

Большинство текстов записано в Карелии, Мурманской и Ленинградской областях от жителей названных регионов и некоторых сопредельных территорий. Весь материал (представляющий около 1000 семей), таким образом, собран в Северо-западном регионе России, но мы далеки от того, чтобы делать обобщения, касающиеся его региональной или этнолокальной специфичности. Дело даже не в том, что в собственно территориальном и этнокультурном отношении границы регионов, обозначаемых как “Русский (Европейский) Север” и “Северо-Запад”, условны. Северные и северо-западные территории России – это зона активных миграций населения, прежде всего, из юго-западных областей. Многие из наших информантов – переселенцы или их потомки во втором-третьем поколениях. Среди них есть представители гетероэтнических родственных групп, а также моноэтнических нерусских семей, перешедших на русский язык. Их традиции не могут не иметь специфических черт, но в то же время общность исторических судеб и всех контекстов существования (социального, экономического, повседневно-бытового и т.д.) придают культуре этих семей много сходных черт. Наконец, о чем бы ни шла речь, все, рассказанное и записанное информантами, рассказано и написано на русском языке. А это уже само по себе означает единство нарративной традиции.

В данной статье мы лишь обозначим те аспекты и сюжетно-тематические блоки, которые, по нашему мнению, являются узловыми при рассмотрении заявленной темы.

УТРАТА И РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ

В современной российской социальной жизни очевидное внимание к семье, безусловно, вызвано потребностью гуманизации общества. Проблемы семьи, ее прошлого, настоящего и будущего волнуют работников образования, здравоохранения, социальной и экономической сфер. Создаются музеи семьи и частного быта, школьники учатся составлять родословия, разрабатываются системы социальной поддержки семей, изучаются методы семейной медицинской помощи и психотерапии на примере западного опыта и т.д. Указанные тенденции

нельзя считать внешними по отношению к семьям. Трудно не заметить, что в современной России “идея семейная” занимает все больше места в жизни и мировосприятии человека. Это, безусловно, связано с тем, что большинство людей испытывают и остро переживают ощущение нестабильности своего существования и не надеются на поддержку общества и государства. В этой ситуации родственные связи приобретают исключительную значимость.

Очень типичны сетования информантов на незнание родословной. Для начала семейной биографии характерна устойчивая риторика, не зависящая от реальных знаний информанта:

Сейчас люди мало что знают о своей родне, откуда они произошли. Генеалогическое древо у них будет, честно говоря, невысоким, и ветвей будет мало. А ведь раньше не забывали свою родню. (Елена, 17 л., знает предков до пятого колена.)

Как редко мы задумываемся о том, каковы наши корни, чем прославились бабушки и дедушки. А ведь все эти поколения незримо протягивают к нам свои руки. (Даша, 13 л., из сочинения.)

Часто добавляется, что раньше “все просто обязаны были знать своих предков”. Таков устойчивый стереотип. Он связан с постоянным переосмыслением прагматики генеалогического знания, которая находится в диапазоне от доказательства родства с целью подтверждения имущественных и социальных прав до удовлетворения индивидуального интереса и потребности в самоопределении. Кроме того, как демонстрирует российская история, в определенных обстоятельствах средством достижения и условием социально стабильного положения становилось забвение родословия.

Информанты указывают различные причины утраты памяти о предках: “Объясняется это тем, что моими предками были простые люди: по маминой линии крестьяне, по папиной - поморы” (Светлана, 21 г.); “Мама ей (т.е. бабушка – маме – *И.Р.*) совсем ничего не говорила. Моя мама предполагает, что дедушка был из репрессированных или врагов народа” (Эмилия, 17 л.); по словам бабушки, “вся их жизнь была пытка, и интересного ничего не происходило.... Они стараются все забыть” (Елена, 17 л.).

Умалчивается также о конфликтах, разводах, самоубийствах и особенно болезненно пережитых смертях, о родственниках, которые принадлежали к криминальной среде, страдали психическими заболеваниями, алкоголизмом и т.п. Все это – в дополнение к социально-опасной информации, из-за которой многие “привыкли разговаривать шепотом” (что отмечают многие молодые информанты у своих бабушек).

Персональная ответственность за незнание родословной возлагается обычно на бабушек и дедушек. Существенной причиной является нарушение в цепи передачи знания, связанное с отсутствием письменных источников. Есть свидетельства, что даже потомки аристократических семей жаловались на трудности собирания генеалогического материала от живых членов своего рода. (Кашкин1912, 1: 152)

В настоящее время чрезвычайно повысилась ценность историко-генеалогического знания. По нашим наблюдениям, в последнее время клишированные мотивировки того, зачем нужно знать родословие и родственников (“чтобы знать историю своего народа”, “без прошлого нет будущего” и т.п.), заменяются на более прагматические: “надо держаться вместе”, “чтобы помогать друг другу”, “кто же еще поможет” и т.п. Многие семьи начали восстанавливать

историю и генеалогию, заниматься архивными разысканиями. Они используют все возможности для возобновления родственных связей, нарушенных войнами, репрессиями, конфликтами, эмиграцией и т.д.

Восстановление семейной истории осуществляется разными путями. Многие признаются, что этому способствовало возобновление связей с родственниками в Финляндии, Германии, Норвегии и т.д., которые сохранили документы, родословные таблицы и прочие мемориальные свидетельства. Для других источником сведений становятся публикации, например, *“Книга памяти”*, по которой узнают о судьбе погибших в годы войны. Для учащихся стимулом может послужить выполнение учебного задания, сочинения. Нередко один из родственников (как правило, мужчин среднего или старшего возраста) занимается специальными разысканиями в архивах, составляет родословие и оказывается таким образом “хранителем” семейной памяти.

Составление “книги рода” – одна из традиций, которая при всех исторических перипетиях поддерживалась в ряде семей, отнюдь не только дворянских. В настоящее время “родословные книги”, компилятивные “истории рода”, мемуары предков печатаются доступным способом в небольшом количестве экземпляров и распространяются среди родственников. Редкая семья не имеет своего архива. Архивы современных семей включают документы, справки, вырезки из газет, удостоверения, почетные грамоты, мемуары предков, гимназические сочинения прабабушек, школьные дневники недавних выпускников, записные книжки, юбилейные поздравления и многое другое.

ИСТОКИ РОДОСЛОВИЯ

Родословное или семейно-биографическое повествование справедливо назвать “автобиографией”, поскольку оно опирается на коллективную память, и рассказчик или составитель семейного жизнеописания чаще всего ориентирует его на себя как часть “родственного организма”. Приступая к изложению истории своего рода, П.А.Флоренский писал: “... Мне хотелось бы быть в состоянии точно определить себе, что именно делал я и где находился я в каждый из исторических моментов нашей родины и всего мира, – я, конечно, в лице своих предков” (Флоренский 1992, 26).

Автобиография, в отличие от биографии, не может представлять заверченный жизненный путь. Семейное жизнеописание имеет открытый финал. Письменные мемуары адресуются и посвящаются реальным или символическим потомкам. Начало же, напротив, всегда подчеркнуто, так как семья отыскивает причины, “истоки”, сущность настоящего – в прошлом, в “происхождении”.

Чаще всего мотивы “порождения” связаны с местностью. Это может быть страна, край (“земля”), населенный пункт. Детальный или краткий рассказ о родине предков – общее место устных и письменных семейных мемуаров:

Наш род Клиновых начался в Карелии, в деревне Клиново, которая находится рядом с известным всему миру островом Кижы. (Александр В., 44 г.)

Моя фамилия берет свое начало из древнего города Углич. Он старше Москвы. Углич ровесник Новгорода. (Максим, 10 л., из сочинения “*Моя родословная*”.)

Любая местность, населенный пункт имеют свою символику, которая включается в семейное предание, систему наследуемых ценностей и влияет на самоопределение семьи и индивида:

Я по матери из Пудожского района, из Водлозерья. Со времен древнего Новгорода там селились беглые крестьяне, которые не признавали никакой власти ... Народ это был очень свободолюбивый. Возможно, свою страсть к спорам я унаследовала от них. Они покорялись только здравому смыслу. Там похоронен мой дед и еще многие наши предки. (Людмила Николаевна, 46 л.)

Мифологема происхождения - “исхода” реализуется в известном мотиве “выезда” предков из чужих земель, который в современных текстах чаще выражен как “переселение” или “приход” на место, считающееся “родиной”. С указания на “появление” предков в результате перемещения начинается едва ли не большинство семейных биографий. Это обстоятельство давно и хорошо известно историкам-генеалогам. Анализ Л.М.Савеловым дворянских родословий по источникам XVI и XVIII веков и подсчет показал, что есть “лишь 33 рода, о которых говорится, что их родоначальники выехали из русских местностей, и 96, выезд которых не указан ..., остальные же 804 рода принадлежат к родам выезжим. ... Не отрицая совершенно возможность выездов из других стран, мы крайне осторожно должны относиться к ним”, – делает вывод историк (Савелов (1908-1909, 14-5).

Мотив “выезда” жестко соединен с мотивом “поселения” (укоренения) предков: “Предки наши (немцы - И.Р.) появились в России еще во времена Петра. Занимались торговлей. Потом обросли корнями и остались” (М.А., 27 л.). В обратной последовательности: “Моисеевы с давних времен жили в Нюхче. Возможно, пришли они сюда из Сибири еще до времен Петра Первого” (Лариса, 22 л.).

Констатация этнической принадлежности или ее перемены включается в семейный этиологический сюжет (сюжет о происхождении родственной группы). Мотивы локального и этнического происхождения рода близки по смыслу и часто соединены: “Предки жили на исконно русской земле – Ярославле.” (Елена, 17 л.); “Наш род происходит от вепсов, живших на территории Оштинского сельсовета.” (Семен, 17 л.)

Мотив иноэтнического происхождения аналогичен мотиву о “выезде” предков; он реализуется в сюжете: “перемещение предка (-ов) – перемена этничности” (“преобразование”):

Самый дальний известный предок – это какой-то австрийский военный. Если Вы помните, во время Первой мировой войны часть австрийской армии попала в окружение и была взята в плен ... Он взял русское подданство и женился на русской. (Алексей, 18 л.)

Папин род берет начало от испанцев, которые были в наполеоновской армии в 1812 году. Часть армии осела на Урале. ... Сменилось определенное количество поколений, итальянцы и испанцы смешались с русскими. (Надежда, 19 л.)

Указание на “социальное происхождение” в семейных биографиях является данью официальному стереотипу, который во все исторические периоды обозначает общественный и государственный статус рода. Напомним также о традиции его постоянного употребления в бесчисленных анкетах, автобиографиях советского периода. Одновременно социальная (сословная + профессиональная)

принадлежность – один из важных факторов семейного самосознания. Род может “происходить из крестьян, дворян” и т.д.

В целом, “точкой отсчета” семейной исторической памяти (кроме точной датировки, если есть документы) можно считать 1) “первособытие”, основные сюжеты которого – переселение, появление предка в определенном месте, наименование, создание семьи; возможны другие; 2) начало персонализации предков, т.е. переход от собирательного образа к персонажам, идентифицируемым, как минимум, по степени родства или имени.

ПЕРСОНАЖИ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Семейная память, как любая другая, избирательна в отношении отдельных родственников и целых поколений. Как правило, есть этиологический миф, далее следует временной разрыв, границу которого создает “актуальная” или “оперативная” память семейной группы. В среднем это 4-5 поколений, включая поколение эго, то есть поколение лица, которое ведет рассказ или выстраивает свое родословие.

Актуальная генеалогическая память, как правило, распространяется на период, охватываемый воспоминаниями третьего – пятого поколений (до прародителей бабушек - в силу трансмиссии через поколение); именно такова глубина генеалогических сведений в массовом варианте. Приведу наиболее типичное утверждение: “Из самых дальних предков я помню только прабабушку и прадедушку. А по рассказам бабушки - немного о ее бабушке и дедушке” (Елена, 17 л.).

В каждом роду есть личности, рассказ о которых составляет основу семейной биографии. Идентификация “интересных” личностей осуществляется по-разному: от признания, что “каждый по-своему интересен”, до выделения одной - двух персон. Биографии и словесные портреты персонажей семейной истории дают представление об идеальных, “ярких”, “интересных” типах личностей в культуре, о гендерных, социальных, этнических стереотипах. В системе семейных ролей исключительное место занимают, в первую очередь, бабушки. Из всех “идеальных образов” родственников образ бабушки – самый разработанный и определенный.

Бабушки и дедушки информантов в подавляющем большинстве являются главными персонажами семейной истории, на втором месте - прабабушки и прадедушки, далее - все остальные. Прародители занимают в семье особое положение, поскольку в трехпоколенной семье активность “работающего” поколения родителей направлена, в основном, вовне, преобладает общение и передача опыта через поколение. Смежные поколения, кроме того, имеют тенденцию к “отталкиванию” в силу универсального закона равновесия, что выражается в признании фамильного сходства через поколение. Судьбы и личные качества прародителей служат основанием для выработки жизненной стратегии, ценностных ориентиров у потомков. Очевидно, что метасюжет рассказов о бабушках и дедушках составляет преодоление трудом и силой личности таких обстоятельств жизни, которые сложно признать человеческими. Отнюдь не

только “культом предков”, но тем, что прародители выжили и спасли потомков в экстраординарных условиях, объясняется наделение их образов чертами, близкими святости.

В характеристиках прародителей, прежде всего, утверждается их исключительность по сравнению с “обычными” людьми. Бабушка - “человек с золотым сердцем”; дедушка всегда - “золотые руки”; “казалось бы, такое количество качеств не может уместиться в одном человеке”; “таких людей я встречала очень редко”; бабушка - “феномен нашей семьи”, она “не говорила, а баяла” и т.п. (из высказываний информантов).

Исключительность касается разносторонности знаний и умений: “Не было такой работы, которую бы прадедушка не умел делать”; “Не знаю другого человека, который бы работал в столь различных сферах”; дедушка - “мастер на все руки. Он может сделать все, что угодно. За какое бы дело он ни взялся, у него все получается” (высказывания настолько типичны, что не нуждаются в атрибуции).

Представители старшего поколения наделяются “даром предвидения”. Они признаются “центром семьи”: они являются “средоточием тех качеств, которые понемножку “распылены” на всех членов нашей семьи” (Светлана, 21 г.); “Вся любовь в нашей семье идет от них, в них наша сплоченность, наша сила” (Инна, 23 л.) и т.п.

В рассказах о прародителях ощущается влияние характеристик фольклорных эпических персонажей:

Мой прапрапрадед родился в великий и старинный праздник Ильин день. Ребенок был крепок и здоров. Рос он не по дням, а по часам ... (Надежда, 20 л., из предания о фамилии Ильины)

В молодости он <дедушка - И.Р.> был очень красив и силен собой. В молодости он вставал под лошадь и подымал ее от земли. Вот такая сила! (Елена, 18 л.)

Утверждение этических, социальных и прочих ценностей – функция большинства биографических рассказов о родственниках. Редкий рассказ обходится без выводов относительно жизненной стратегии персонажа или характера его “судьбы”: “Прадед Андрей был удачливым человеком. Окончив церковно-приходскую школу ..., он, после возвращения из действительной армии, стал начальником лесосплава”. Далее “удачливость” прадеда иллюстрируется тем, что ему с женой удалось побывать в Ленинграде во время учебы на курсах; был он хорошим сплавщиком-профессионалом и считался “родившимся в рубашке”, т.к. был заподозрен в проступке, но не был расстрелян в 1937 году (Юлия, 17 л.).

В целом, основную сюжетную коллизию биографических нарративов составляет столкновение “жизненного труда” (реже - сильного характера) с внешними обстоятельствами существования. “Труд” и “трудности” (включая производные и оппозиционные лексемы) – ключевые, связующие и самые частотные понятия. Самая устойчивая жизненная установка из тех, которые утверждаются женскими биографиями, – “надо было жить для ребенка” (“надо было как-то жить, поднимать детей”); “несмотря на многие трудности, смогли дать своим детям все то, что не смогли дать им в свое время родители” и т.п.

Рассказ-жизнеописание в зависимости от контекста имеет различные значения. Он может выражать, например, идею “жестокости” судьбы или жизни в определенное время в определенном

месте, утверждать/опровергать жизненную стратегию, родственную преемственность и т.д. Одной из базовых является идея “жертвенности” во имя детей. Рассказ о чрезвычайно горестной судьбе рано умершей бабушки завершается резюме: “Зато у нее хорошие дети, у всех свои семьи”.

Одни биографии родственников служат напоминанием о социальном престиже, другие призваны утверждать нравственные и поведенческие нормы, третьи вспоминаются как образец негативного или печального опыта и т.д. Но в конечном итоге, большинство биографических рассказов о старших родственниках приводят к выводу наподобие такого: “Мой дедушка жив до сих пор, ему сейчас 91 год, и он представляет из себя историческую ценность” (Алексей, 17 л.).

“ВНУТРЕННЕЕ” И “ВНЕШНЕЕ” ВРЕМЯ

Каждая семейно-родственная группа имеет свое, “внутреннее”, время. Это, во-первых, временной диапазон существования того, что принято называть “родом”: последовательность поколений от более или менее известного первого предка, с которого ведет начало фамилия или с которым связан самый ранний историко-семейный сюжет. Это время, которое можно назвать “генеалогическим”, включает в себя жизненные циклы отдельных семейных групп, основанных на брачном союзе. Для любой семьи важнейшими историческими событиями, с точки зрения семейного времени, являются рождения и смерти близких, создание и распад супружеских союзов, этапы взросления детей и внуков, разъединения и воссоединения родственников, изменения социального статуса семьи и ее пространственные перемещения (переезды). Семейное время создается последовательностью событий жизненного цикла родственников. Эти события и составляют основные сюжеты семейных преданий и повествовательной истории семьи; они порождают наибольшее количество разнохарактерных текстов, поскольку составляют основное содержание жизни людей и сферу их ближайших интересов.

Вместе с тем, история семей не может быть отделена от истории отечественной, этнической, локальной. Более того, “макроистория” - это слагаемое историй семейных, а биография каждой отдельно взятой семьи - это одновременно история страны, народа, города или местности. У семьи свой взгляд, который позволяет уловить “конкретный облик глобальной истории” (Ревель 1996, 118).

Абсолютная (“календарная”) хронология в семейных исторических нарративах представлена ограниченно. Включение дат в повествование указывает на его документальную основу. Дата отмечает начало рода: “Впервые фамилия Тилликяйнен встречается в 1475 году” (согласно книге рода) (Александра, 15 л.) и т.п.

Чаще всего первая дата в истории семьи обозначает рождение одного из предков. Значительно реже таковыми являются даты смерти, переезда или иные: “Корни семьи уходят в глубокую древность, в 1903 год. Именно в это время на свет появилась моя прапрабабушка” (Ирина, 17 л.); “Муж моей прабабушки был арестован и расстрелян в 1931 году” (первая дата в рассказе об истории семьи) (Анастасия, 17 л.).

Как в любом биографическом и автобиографическом повествовании, в семейных рассказах датировка весьма приблизительна: убеждение в том, что предки - новгородские переселенцы, позволяет делать вывод, что они живут на Каргополье с XIV века; фамилия с “польским” окончанием и местожительство родственников – Вятка - дают основание для заключения, что они переселились (были сосланы) в 1861 году, после восстания в Польше и т.п.

Соотношение исторических событий официальной историографии с сюжетами семейных рассказов определяется рядом факторов. Наиболее важными следует признать 1) степень внешнего воздействия на семью (со стороны общества, государства); 2) уровень усвоения “школьной” истории, официальных исторических представлений; 3) семейные и индивидуальные формы реакций на происходящее; 4) традицию рассказывания, которая определяет отбор событий, способы создания и словесного оформления сюжета; 5) ситуативный контекст.

Отечественная история для истории семей предстает, прежде всего, в качестве системы координат для измерения семейного времени. Основными маркерами временных периодов выступают отдельные личности (“при Петре”), политические события (войны, восстания, революции), государственные институциональные образования (“при колхозах”) и законодательные акты (“после указа о ...”), обозначения воздействий, испытанных со стороны государства (“в годы репрессий”, “в период раскулачивания”).

Историческое событие закрепляется в семейной памяти благодаря родословному преданию. Так, для семей, считающих своих предков старообрядцами, начало истории – вторая половина XVII в. По наблюдениям фольклориста Л. Е. Элиасова, устное родословие сибирских казаков, в отличие от старообрядцев, не простиралось вглубь далее полутора веков, поскольку не ранее второй половины XVIII - начала XIX вв. произошло их разделение на “городовых и “станичных”, существенно сказавшееся на групповом самосознании (Элиасов 1960, 77-8).

Обозначение исторического факта, сыгравшего важную роль в семейной жизни, не обязательно нуждается в датировке: “предки “были зажиточными крестьянами, и в определенный этап развития истории их раскулачили” (Оксана, 18 л.). Наконец, возможно полное абстрагирование от фактических реалий: “Родители деда были дворянами ..., но в конце XIX века произошло какое-то событие в стране, что люди, имевшие приличное состояние, стали его прятать ..., тем самым резко поменяли свой внешний облик, став обычными людьми” (Юлия, 17 л.). Последующая периодизация истории рода ориентируется на указанные водоразделы: “В годы Первой мировой войны моего прадеда призвали в царскую армию... После войны Жизнь в период коллективизации... В годы Великой Отечественной войны После войны...” (Анна, 17 л.)

В целом, семейная периодизация не может не совпадать с основными вехами отечественной истории XX века, но при этом наблюдаются как известные закономерности, корректирующие официальную иерархию событий, так и избирательность при конструировании истории отдельных семей.

Многие события локального масштаба приобретают для семей, живущих в регионе, первостепенное значение. Так, если для большинства коренных жителей Карелии (Олонецкой губернии) “революция” (1917 г.) не является переломным моментом, изменившим родственные

связи, то установление после нее границы между Карелией и Финляндией, несомненно, относится к таковым:

После революции жизнь в деревне резко переменялась.... Между Карелией и Финляндией поставили границу, разделили деревни, а вместе с этим и семьи, родственников, близких. Прошло время и началась война. (Юлия, 18 л.)

В тридцатых годах дяди бабушки часто ездили туда на заработки. И когда они в очередной раз уехали в Финляндию, закрыли границу, и они остались там. Но один из них переплыл реку, отъединявшую Финляндию от Карелии, а второй не умел плавать, он побоялся прыгнуть в воду и остался в чужой стране. (Анна, 17 л.)

ВРЕМЕНА И СОБЫТИЯ ГЛАЗАМИ СЕМЬИ

По силе исключительного влияния на семейные судьбы самыми отмеченными являются период конца 1920-х – 1930-х гг., обозначаемый: “колхозные времена”, “период раскулачивания”, “годы репрессий” и Великая Отечественная война. Практически нет семьи, в которой основной массив исторических рассказов не был бы связан с этими временными отрезками. Данное обстоятельство объясняется и тем, что для основного поколения современных семейных рассказчиков указанные периоды совпадают с годами детства и юности. “Война” и различные обозначения периода 1930-х годов оказываются границей, отмечающей глубину исторической памяти родственного коллектива. Для современных российских семей это время, которое совпадает с оперативной памятью и воспринимается через живое предание. Кроме того, для всех без исключения семейных групп оно оказалось переломным. Показательна ремарка информанта, так оценившего семейную память: “Все воспоминания перекрыла война” (Александр, 17 л.).

Закономерно, что с 1930-1940-ми годами связан основной массив семейной исторической прозы. Именно процессы тридцатых годов и военного времени дестабилизировали семейные группы. Они вызвали волну вынужденных переселений, которые знаменуют семейный кризис, создали дисбаланс между рождением/смертью, созданием/распадом семей, соединением/разъединением родственников в пользу событий второго ряда. “Война” и “сталинские репрессии” – главные причины пресечения родословия и семейных связей. Это не только обозначения реальных событий, но мифологизированные “образы зла” (так же, как “блокада”, “выселение”, “закрытие границ” и т.п.).

Негативные личные и семейные ассоциации с известным событием (временем) препятствуют его воскрешению в памяти и вербализации. Во многих семьях существует запрет на военные воспоминания, выполняющий “защитную” функцию по отношению к старшим. При необходимости рассказы заменяются официально-историческими клишированными текстами.

Когда заходит об этом разговор, то они (дедушки – *И.Р.*) чаще всего вспоминают что-либо официальное: даты битв, вручение орденов, медалей, грамот, – и переводят разговор на другое. Единственное, что вспоминает папин папа, – это то, как из горящего танка ... его вытащила собака и таким образом спасла ему жизнь. Ну, а дедушка в Мари-Туреке вспоминал, что когда его после госпиталя отправили домой, он в подарок бабушке купил на свои последние деньги конфеты с коньячной начинкой. (Екатерина, 17 л.)

“Исключения” показательны. Сюжет “чудесного спасения” в силу особой символической значимости наиболее устойчив в любых воспоминаниях. Второй рассказ показывает, как “макроистория” запоминается через эпизоды частной жизни, связанные, в первую очередь, с переживанием основных событий семейного сюжета, в данном случае – воссоединения близких, или воссоздания семьи (мотив “ухаживания”).

История семьи “поправляет” официальную историю в зависимости от собственного опыта и точки зрения:

Прадед моей прабабушки ... был крепостной. На уроках истории в школе мы проходили, что жизнь крепостных была ужасна, а у моего крепостного родственника водились деньги. А его дочь очень хотела быть вольной, она уговорила отца отдать барину выкуп. Все свои сбережения в виде кринки с золотом отнес предок барину. Случилось это накануне отмены крепостного права. (Екатерина, 17 л.)

Данное семейное предание выявляет не столько несоответствие “реального опыта” идеологическим построениям, сколько смещение угла зрения: семейно-сословный взгляд (а) предполагает, что “ужас” положения крепостных заключается преимущественно не в отсутствии личной свободы, а в материальном недостатке, и (б) не рассчитан на верификацию ситуации как типичной. Обычно основанием для пересмотра официальной концепции служит оценка положения собственной семьи как стабильного/ нестабильного (благополучного /бедственного) в конкретных исторических условиях.

В характеристике того или иного периода большое значение имеет эмоциональное восприятие времени. Оно оценивается как “страшное”, “радостное”, “спокойное” и т.п. Большей частью память фиксирует не фактическую сторону исторических событий и ситуаций, но особенную реакцию на них и специфические бытовые обстоятельства. Бабушка одного из информантов рассказывала

про времена, когда опаздывать на работу было запрещено, и опоздания, и прогулы строго карались. Однажды, когда на остановке бабушка ждала автобус, чтобы поехать на работу, оказалось, что автобус в дороге сломался, и бабушка опоздала на работу. Ее за это чуть не уволили. (Николай, 17 л.)

Эпохальное историческое событие воспринимается другим информантом сквозь призму детских впечатлений матери:

Большим событием для всех был запуск первых спутников, бегали смотреть всей семьей, слушали передачи, когда должен пролететь спутник. Когда запустили Гагарина, в школе прыгали на партах. (Любовь, 18 л. – со слов мамы.)

Основной объект семейных исторических рассказов – особенности жизни и быта, которые характеризуют время. Рассказывается, прежде всего, о том, “как жили” в те или иные годы: “как отмечали праздники”, “о деревне”, “каким был Петрозаводск в те времена”, “как голодали в детстве”, “как работали на мельнице”, “как ехали в эвакуацию”, “как трудно жили после войны” и т.д. У каждого поколения и отдельных членов семьи свой репертуар, что не мешает остальным также быть более или менее активными его носителями, участвовать в коллективном рассказывании - воспоминании.

Время может оцениваться равно в пользу “прошлого” или “настоящего”. Сюжет о “выживании семьи” вопреки трудностям (“тяжелое прошлое”) и концепция “утраченного рая”

накладываются на канву семейного и индивидуальных жизненных циклов. Если детство может быть и “золотым”, и “трудным”, то “юность” обычно окрашена в оптимистические тона и т.д. Для старшего поколения характерна такая оценка: бабушка и дедушка “самыми горестными воспоминаниями считают детство и старость” (Марина, 17 л.). Аргументами являются рассказы о “голодном детстве” и горестях настоящего времени.

Рассказы о “возрасте” и “времени” содержат устойчивые мотивы. Так, повествования о “трудном детстве”, к какому бы периоду оно ни относилось, включают новеллу о том, как голодный ребенок однажды наедается, ему становится плохо, и с тех пор он больше этот продукт не ест. В рассказах о том, как раньше учились в деревенской школе, почти всегда подчеркнуто: на семью или всех детей был один предмет верхней одежды, а чаще – обуви, поэтому в школу ходили по очереди. Сообщение, что подросток в годы войны работал на заводе, обязательно дополняется одной и той же деталью: под ноги ему ставили ящик. В рассказах о послевоенном голоде неоднократно встречается мотив: женщина отдает хлеб пленному немцу¹ и т.п.

Общность судеб и повторяемость жизненных ситуаций вписываются в традицию рассказывания о наиболее важных периодах и событиях. Так, рассказы о “годах репрессий” варьируют мотивы пережитого страха и сосредоточены, в первую очередь, на эпизодах ареста родственника или депортации всей деревни (реальное осуществление акций в ночное время, внезапно, немотивированно, тайно и т.д., – не нуждается в дополнительной мифологизации); а также “чудесного спасения” члена семьи, “возвращения” его из заключения (обычно это слово не произносится) в неузнаваемом виде. Они включают также подробности безуспешных попыток узнать о судьбе родственника. В последнее время часто рассказывают о найденных захоронениях и о посещении их. Типичен мотив абсурдного повода для ареста:

В 1937 году на одном из каких-то сборных концертов (прадед – *И.Р.*) вместо патриотической песни, по просьбе зрителей, ... исполнил старинный русский романс... Домой он вернулся в 1940 году, совершенно больной. (Светлана, 31 г.)

ВОЙНА В СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ

Особенно впечатляюще представлен в семейных воспоминаниях период Великой Отечественной войны. “Война” воспринимается как “испытание” для семьи, пребывание в ином качестве и в сфере непосредственного соприкосновения со смертью. У абсолютного большинства семей есть подробные рассказы о “первом” и “последнем” днях войны. Разные точки зрения на происходящее создают параллельные сюжеты: “мужской”, “женский”, “детский”.

“Фронтной” (условно - “мужской”) текст представлен, главным образом, рассказами двух типов: о героическом поведении и “чудесном спасении”. “Женские” сюжеты могут быть сгруппированы по темам: “эвакуация”, “жизнь в оккупации”, “в тылу” и т.д. Каждая из них варьирует устойчивые мотивы. Так, воспоминания об эвакуации обязательно включают рассказы

¹ Опубликованный вариант см.: *Спустя полвека* (1994, 64-5).

о трудностях пути, о местном населении (его радушии или, напротив, “скупоности” и неприветливости), о возвращении.

Именно семейные воспоминания позволяют увидеть неоднозначные, часто противоречивые и изменчивые оценки “своих” и “чужих”, которые являются реакцией на реальное разнообразие ситуаций. При этом в любом случае история семьи конструируется через осмысление “официальных мифов” о героизме партизан, идиллических отношениях эвакуированных с местным населением, жестокости завоевателей и т.п. в историографии советского и – с обратным знаком – постсоветского периода.

В рассказах о жизни в оккупации или о пребывании в лагере важное место занимает “образ оккупанта”. Закономерно, что наряду с эпизодами “нечеловеческой” жестокости присутствуют мотивы нетипичного для врага поведения: немецкий врач делает спасительную операцию, охранники тайно приносят еду и т.п. Для такого “ненормативного” поведения находятся специфические мотивировки, например: немецкий офицер предупредил об облаве только семью родственников информанта, т.к. “сестра матери ... напоминала офицеру его дочь” (Георгий, 29 л.).

Установление родства в любой форме: от неясных аллюзий до “брачного сюжета”, – служит преодолению критического положения, является средством “спасения” и психологической компенсации. В этом причина популярности рассказов типа “истории о любви между русской девушкой и немецким солдатом”. Таким образом выражается идея преодоления этнической вражды путем установления родственных отношений.

Для каждого конкретного события имеются наиболее характерные (хотя и не обязательно эксклюзивные) мотивы. Так, “блокадные” рассказы, в основном, опираются на обстоятельства, связанные с голодом, когда выживание человека достигается “нечеловеческими” средствами: люди едят домашних животных; ребенку продают на базаре человеческое мясо и т.п. Выживший – подобно персонажу легенд и легендарных сказок, который побывал на том свете, оказывается не просто изменившимся, но состарившимся: “После прорыва блокады к ней (бабушкиной тете - И.Р.) подошел солдат и, протянув хлеб, сказал: “Возьмите, бабушка”, – а ей не было и тридцати” (Александр, 20 л.).

По контрасту с военным периодом и с настоящим временем жизнь 1950-1970-х годов в семейных рассказах предстает большей частью в идеализированном виде. Современные информанты всех возрастов, осознавая себя живущими в “тяжелые времена”, склонны воспринимать, как минимум, три десятилетия (1955-1985 гг.) почти “безоблачными”. Для молодого поколения жизнь родителей, отчасти – бабушек и дедушек, “была интересной и разнообразной”, “веселой и беззаботной”, “активной” и т.п. Преобладают ностальгически окрашенные рассказы о поездках, встречах, культурных впечатлениях, развлечениях, профессиональной и любительской деятельности. Оппозицию составляет меньшая по численности группа рассказов, которые всегда касаются ситуации в деревне. В них противопоставлены город и село, а сюжетом часто является преодоление трудностей переселения в город (“жизнь без прописки”, тяжелая работа и т.п.).

Наконец, фонд семейной исторической прозы начали пополнять рассказы о войнах последних двух десятилетий (начиная с афганской). Запреты на рассказывание (как психологические, так и связанные с “неразглашением военной тайны”) делают собственно воинские и “страшные” сюжеты достоянием узкого круга. “Героические” сюжеты представлены очень слабо, преобладают рассказы о “чудесном спасении”, в которых подчеркнуты “сверхъестественные” жестокости и опасности. Особую категорию составляют рассказы о родственниках, прошедших войну, то есть вернувшихся из мира смерти:

Он не любит об этом рассказывать. И вообще после Чечни (двоюродный брат - *И.Р.*) стал очень молчаливым, у него изменился характер. Он стал очень вспыльчивым ... Когда я его увидела после Чечни ..., он на все смотрел, как зверь. (Наталья, 17 л.)

СЕМЬЯ И ВЛАСТЬ

История семьи – это история ее взаимоотношений с обществом и властью (государством), которая реализуется в нескольких метасюжетах. Прежде всего, любая семейная биография призвана служить укреплению престижа рода, следовательно, утверждать общественную значимость и известность его представителей. Социальные связи подтверждаются не только родством, но и дружбой членов семьи с известными и выдающимися людьми, коллегиальными отношениями, совместной службой и даже просто знакомством. Частью семейного фольклора становятся рассказы о том, “как дед служил на даче Г.К. Жукова”, а “дядя служил в одном взводе с Юрием Никулиным” и т.п. Знакомство со знаменитыми или облеченными властью людьми позволяет рассчитывать на “известность”, что, в свою очередь, означает наиболее полное и выраженное существование.

Особый случай, всегда закрепляющийся в семейном предании – встреча и общение с правителем, “великим человеком”, причем родственник оказывается в выигрышном положении.

На батарю, где служил наводчиком прадед информанта, приехал Николай II с придворными и царевичем; царевич, балуясь, несколько раз расстраивал наводку пушки; после обращения к начальству “прадеду разрешили делать с царевичем, что он захочет, но чтобы пушки, наконец, начали стрельбу ...; он взял царевича за ухо и выгнал от пушки. (Александр, 18 л.)

Женский” сюжет: на прабабку информанта, тогда – молодую девушку, “загляделся” царский наследник – по семейному предположению, Александр III (Анна, 38 л.).

“Историческая ценность” рода поддерживается участием его представителей в важных (вошедших в учебники), переломных и послуживших престижу Отечества событиях. Если верить семейным преданиям, среди прямых предков наших информантов есть участник событий, о которых повествует “*Житие Михаила Черниговского*” (XIII в.); воин, совершивший подвиг в сражении на Угре (XV в.); первые строители Петербурга; и тот самый человек, который дал “легендарный” выстрел с “Авроры” в 1917 г. (это лишь выборочный перечень), не говоря о родственниках, которые воевали, возводили историко-культурные объекты и т.п. “Деяния предков” осознаются частью и “движущей силой” истории государства в полном соответствии с идеей их единства.

Рассказы о воинских, профессиональных, “общественных” заслугах – основная представительская часть семейной истории. Заслуги имеют разный масштаб, в том числе локальный. Не без основания “подвигом” называет информантка восстановление разрушенной деревеньки и организацию там школы ее отцом и его братьями в 1980-е гг. (Галина, 17 л.). Христианский подвиг – спасение икон из разрушенной церкви и хранение их с риском для жизни в 1940–1950-е гг. (Лариса, 22 л.) – распространенный сюжет. Едва ли не фамильной чертой считается в семье помощь людям в несчастных случаях: дед несколько раз спасал тонущих, мать и дочь неоднократно помогали встречным, которым становилось плохо с сердцем (Елена, 17 л.).

Отношения семьи (а) с “обществом” и (б) с властью и разнятся, и строятся на сходных принципах. Если поимка шпиона частным лицом (есть серия рассказов на эту тему) представляется актом “государственным”, то хранение икон – “антигосударственным”, но при этом равно героическим, поскольку оба поступка сопряжены с риском для жизни. Идея добровольной жертвы преобладает в рассказах о сотрудничестве семьи и социума: в годы войны солдаты украли у хозяйки весь запас мяса; она “не говорила никому, дабы понимала, что своим жалеть нельзя, несмотря на то, что и у них семья не маленькая” (Анастасия, 20 л.). Идея выражается не только в рассказах о героических подвигах, но и в “профессиональном” дискурсе: профессионализм требует принесения в жертву интересов семьи.

Второй метасюжет создается противостоянием семьи и “государственных интересов”, а также событиями, которые воспринимаются как манифестация чужой насильственной воли. Так, популярная тема, связанная с событиями недавнего прошлого, представлена рассказами о разъединении родственников и о сложностях связи с ними. Установление новых границ, повышение тарифов на виды связи интерпретируются, в первую очередь, как насильственное разделение родных (и друзей) с некими коварными целями.

Субъект внешнего воздействия на семью персонифицируется в виде неопределенно-личного множества: “раскулачили”, “убили”, “закрыли (границу, учреждение)” и т.п., собственно события и ситуации (“война”, “разруха”, “революция”), учреждения, организации (“НКВД”), установления (“указ”, “амнистия”). В последнем случае характерно обозначение самого воздействия конструкцией с глаголом “попасть под (мобилизацию, сокращение, распределение и т.п.)”. Сюжетообразующие коллизии связаны с идеей “мученичества”.

Сохранить семью от исторических катаклизмов и давления властей может “чудо”, “божья воля” или случай:

Петербургжанка - бывшая гувернантка из-за болезни дочери уехала с ней в провинцию; потомки считают, что “эта тяжелая болезнь спасла бабушку и ее маму от гибели, потому что после их отъезда произошла революция и смена власти в семнадцатом году. (Алена, 21 г.)

Такова семантика многочисленных рассказов, составляющих едва ли не большую часть семейных хроник. Многообразие экстремальных ситуаций, обусловленных социально-историческим контекстом, не поддается учету. Оно создается принуждением властей, структурой отношений, бытовыми условиями, событийными обстоятельствами. Столь же различны средства спасения, к которым, помимо “божественного” контроля, относятся счастливая судьба,

активность самого субъекта, действия персонажей-помощников (не исключая представителей тех же властей) и другие.

С точки зрения частной жизни, благоприятно положение, когда человек “спрятан”, “забыт”, “невидим” и т.п. Во многих рассказах о пережитом страхе встречается типовая предостерегающая реплика: “Увидит советская власть – в Сибирь сошлют” (в ответ на предложение жены забить и продать корову) (Анастасия, 20 л.). За редкими исключениями, результат воздействия на семью со стороны государства рассматривается как дестабилизирующий. Его последствия – это разъединения, переселения, понижение статуса, окончательные и “неокончательные” смерти, и в конечном итоге – угроза существования рода:

Перед самой высылкой однажды ночью пришли к ним и стали стучать, требуя хлеба ... Бабушка, в возрасте 10-12-летней девочки, открыла окно и вместе с мешком выпрыгнула в окно ..., по моей бабушке стреляли. ... Бабушка Тиля рисковала своей жизнью ради последних килограммов хлеба. Если бы ее не стало, то я бы никогда бы не появилась на свет. (Юлия, 18 л.)

Таким образом, жертвенное поведение приобретает иное значение: кто-то из родственников рискует жизнью ради спасения семьи; если же это ребенок, незамужняя девушка или молодая женщина, в жертву приносится будущее части рода во имя сохранения целого.

Антагонизм семьи и государства составляет одну из основ семейной биографии, которая в подавляющем большинстве случаев предстает как история “выживания”, преодоления серии кризисов с большими или меньшими потерями. В этом противостоянии сильного и слабого семейная группа выступает не только в пассивной страдательной роли. Распространенной формой противодействия является эскапизм. Помимо собственно эмиграции, это и “бегство” в пределах отечественного пространства – способ избавления, который принято считать “традиционным русским”: “Когда в селе началась коллективизация, дедушка и бабушка бежали на юг, т.к. не хотели вступать в колхоз” (Александра, 17 л.).

“Поселение” предков (в “начальном” сюжете) и последующие перемещения мотивируются бегством их от “налогов”, “гонений на старообрядцев”, “воинской повинности”, “притеснений помещиков”, “раскулачивания” и прочих бедствий.

Особой разновидностью эскапизма можно признать все виды добровольных жертв, означающие отказ от “правил игры”, согласно которым семья должна подчинить свои интересы государственным вплоть до самоуничтожения (в т.ч. отречения от родственников). В обмен на сохранение неприкосновенности члены семьи отказываются от статуса, имущества. Не дожидаясь “раскулачивания”, они отдают нажитое в колхоз; меняют профессию, не соглашаются принять должность. Так, дед, “хоть и партийный”, отказался стать председателем колхоза, т.к. семья могла пострадать (Алена, 21 г.).

Все эти действия, включая разнообразные виды “взятки”, могут быть рассмотрены как установление договорных отношений с “властями” и одновременно – как “хитрость”. Обман государства становится особым типом противодействия. Рассказы на эту тему представляют своего рода “трикстериаду” – закономерное следствие столкновения власти и подчиненных: Чтобы не отдавать лошадей в колхоз (“загубят”), хозяин продает их цыганам (“те позаботятся”), которые платят золотом (Светлана, 17 л.).

Такие “хитрости”, помимо психологических переживаний, подробно описанных в рассказе, могут повлечь и более опасные последствия. Наряду с ними всегда существовали вполне легитимные, специфически “семейные” способы уклонения от обязанностей перед государством: брак и рождение детей.

В истории Сибири известен “год великого переполоха” (1849 г.), когда слух о том, что будут женить всех солдат иркутского гарнизона для отправки их на окраинные земли, вызвал волну массовых скоропалительных свадеб (Элиасов 1960, 168-9). Заключение брака – способ противостоять государству его же, т.е. официальными, средствами. Он предоставляет свободу передвижений или, напротив, спасает от выселения, “распределения”; позволяет избавиться от нежелательного статуса и приобрести необходимый и т.п.:

Бабушка вышла замуж, потому что после войны просто так из колхозов не отпускали и не отдавали паспорта, а она хотела уехать. (Ольга, 20 л.)

Бабушке пришлось выйти замуж, чтобы не ехать в ссылку. (Ирина, 17 л.)

Аналогичным образом, известную эмансипацию от государства и льготы предоставляет обоим родителям рождение ребенка. Рассказы о браке и рождении с такими мотивировками выполняют преимущественно репрезентативную функцию, а не “внутрисемейную”. Вербализация их допустима только в ситуации конфликта или при ограниченном общении, а также после смерти “заинтересованных” членов семьи.

Большие возможности для манипуляций предоставляют документы. Особенно те, которые удостоверяют личность, выступая ее заместителями, а также свидетельства об актах гражданского состояния и любые другие. Из документов выстраивается отчуждаемая от человека его биография, которая может оказаться единственной реальностью и вытеснить индивида из жизни.² Документ предоставляет государству право владения человеком, корректирования биографических фактов: “Она (сестра - И.Р.) родилась в пятнадцать минут первого 25-го ноября, а ее записали на 24-е, т.к. не выполнялся план” (Ольга, 20 л.).

Со своей стороны, индивид и семья могут предъявить обществу “ложную” биографию, а истинную оставить фактом приватной жизни. Когда мама информанта была ребенком, “чтобы была русская национальность, свидетельство о рождении пришлось купить”, поэтому у нее два имени – “настоящее” и “по документам” (Ольга, 19 л.).

Перемена имен и особенно фамилий – широко практикуемый способ “спрятаться” от государства, “превратиться в другого”. Вышедшие из заключения меняли фамилии с тем, чтобы оградить от последствий родственников, прежде всего, детей. Перемена документа может скрыть любое нежелательное (непрестижное) обстоятельство и личность как таковую. Она же помогает добиться преимуществ.

Идеальное средство сохранить неприкосновенность частной жизни – не фиксировать ее документально или уничтожить документ. По рассказам одной информантки, после войны ее

² У бабушки информанта, которая работала с детских лет, в годы войны пропали документы, и при выходе на пенсию у нее оказалось 13 лет стажа; когда же документы нашлись, ее наградили медалью (Елена, 17 л.).

бабушка сожгла паспорт со штампом, что она “враг народа”; до 1960 года жила без паспорта, а не рассказывала об этом близким еще более двадцати лет (Елена, 17 л.). В другой семье супруги также более двадцати лет жили, не регистрируя брак, потому что муж тайно увез жену с лесозаготовок (Вера, 18 л.). Подобные факты относятся к эзотерическому знанию, которое в еще большей степени, чем “обережные” браки, скрывается от собственных детей и дальних родственников.

Через отношение к обществу и власти в семейной биографии могут быть сопоставлены разные ветви рода. Выстраивая хроникальное повествование, один из информантов вначале подробно рассказывает о родословии матери, которое хорошо знает; причем история XX в. изложена в новеллах и биографических текстах, призванных проиллюстрировать тезис о том, что “предки сильно пострадали от советской власти”. Приступив к краткому рассказу об отцовском роде, замечает: “Как раз Бароновым советская власть пошла на пользу” (Александр, 17 л.). Так возникает контрапункт, благодаря которому хроникальный рассказ приобретает внутренний сюжет, подводящий к итоговому самоопределению рассказчика: “Несмотря на то, что я ношу фамилию Баронов, я ощущаю себя интеллигентом, во мне очень сильны корни...”, – далее идет перечень фамилий материнского рода.

Было бы несправедливо отнести данный вывод исключительно к сфере “конъюнктуры”, в соответствии с которой “пострадать от советской власти” столь же престижно, как в предшествующий период - “от царизма”; кроме того, это часто означает принадлежность к образованному слою общества. Каждый случай индивидуален: информант воспитан, прежде всего, бабушкой со стороны матери; в доме хранится богатый семейный архив и т.п. Вместе с тем есть представления более глубокие, нежели “идеология момента”. Противостояние семьи и власти предопределено их сущностью, и в этом смысле семья, много претерпевшая и выжившая, имеет наивысший статус. Кроме ореола мученичества - святости, ей принадлежат свойства “крепости”, самодостаточности, самооценности.

Есть сюжеты, символическое значение которых особенно велико по сравнению с их актуальной семантикой. К таковым относятся рассказы о семейных кладах, включенные в историческое повествование. Традиционная сакрализация клада, обусловленная не реальной ценностью предметов, но значениями “захороненной” и “сохраненной” тайны, получает еще одно подтверждение в контексте семейной истории. Клад закапывают, когда покидают родные места, лишаются самого дома, скрывают истинное положение (“лицо”) семьи. Сведения о нем сокровенны, являются воспоминанием о прошлом и в то же время дают надежду (часто - утопическую) на будущее.

Закопанные и спрятанные в период кризисных событий и наиболее сильной экспансии со стороны государства семейные драгоценности, деньги и просто обиходные вещи являются материализованным воплощением суверенности семейного мира и знания. В этом причина высокой частотности повествований о “зарытых” ценностях. Имеется две основных версии, обе

Семья, сбежавшая из плена, несколько лет была, по их словам, “между небом и землей”, т.к. без документов они нигде не числились (Мария, 18 л.).

представлены большим числом вариантов: 1) спрятанные и впоследствии “выкопанные” вещи помогли семье выжить в трудные годы; 2) “клад” до сих пор не найден, поскольку (а) тот, кто его закопал, умер, не сообщив места; (б) поиски тщетны, ибо “никто не помнит”, где это могло быть; (в) попытки найти его не предпринимаются или неизвестны, что вызывает недоумение рассказчика. Каждую из разновидностей этого сюжета можно рассматривать как метафору отношения к семейной истории.

Российская социальная действительность создала в XX веке условия для “забвения” и пресечения семейной исторической памяти, но, как показывают наши материалы, забытое – вопреки традиционной мифологеме – не есть уничтоженное. Семейная память продолжала сохранять неактуальное, а порой и опасное, для известного периода знание даже при утрате документальных свидетельств. Можно с уверенностью утверждать, что в ситуации востребованности с большими или меньшими усилиями реконструируется если не всё, то очень многое. В конце концов, на основании культурных норм, представлений, традиции рассказывания и т.д. может быть создан новый или обновленный “миф о семье”, не лучше и не хуже любого другого (в том числе по степени достоверности). Главное - чтобы семейная память существовала и объединяла близких, давая каждому из них ощущение стабильности и “укорененности”.